

Некоторые особенности пространственно-временной организации романа Ф.Сологуба "Мелкий бес"

Роман Ф.Сологуба "Мелкий бес", вышедший отдельным изданием в 1907 году в Петербурге, принес писателю всероссийскую известность и стал вершинным произведением его прозы. По словам А.Блока, он был прочитан "всею образованной Россией" (2, с.284).

Пространственно-временная организация романа подчинена раскрытию основной авторской идеи — обличению абсурдности и пустоты мещанского существования и его разрушительного влияния на человека. На некоторые особенности хронотопа указывали Л.Силард, С.Ильёв, Г.Охотина. Однако они рассматривали принципы организации художественного пространства и времени односторонне — в соотношении с поэтикой символистского романа.

Сологуб — писатель-урбанист, хотя место действия всех его произведений — провинция, похожая на деревню. В отличие от Мстиславля из рассказа "В толпе" или Скородожа в "Творимой легенде", город в "Мелком бесе" не имеет собственного названия. Писатель рисует типичную картину российской глубинки, нравы и быт которой так хорошо ощутил на собственном опыте. Сослуживцы Сологуба в Вытегре и Великих Луках без труда узнали себя и свои родные места, изображенные в романе. Топонимы в "Мелком бесе" всё же присутствуют: Рубинский губерния, на территории которой находится уездный город, ассоциативно соотносится с произведениями Салтыкова-Щедрина ("История одного города"). Название же ближайшего города Сафата перекликается с библейскими топонимами. А название речки — Самородины — аллюзии с русскими былинами.

По нашим наблюдениям, в "Мелком бесе" Город преодолевает фоновую для событий функцию и вырастает в самостоятельный и важный с идейно-эстетической точки зрения образ. В данном аспекте, на наш взгляд, Сологуб продолжает традиции Гоголя ("Петербургские повести"), Достоевского ("Преступление и наказание"), Чехова ("Ионыч") и др. Отсутствие собственного названия места событий романа подчеркивает типичность происходящего для России. Если у Гоголя и Достоевского действие зачастую разворачивается в столице, а у Чехова захолустье противопоставлено столичной жизни ("Три сестры"), то объектом творческого внимания Сологуба всегда является маленький, затерянный в глуши российских просторов "медвежий угол". А.Белый назвал его Сапожком и точно подметил эту характерную особенность: "Персонаж Сологуба всегда из провинции, и страхи его героев из Сапожка: баран заблеял, недотыкомка выскочила из-под комода, Мицкевич подмигнул со стены — ведь всё это ужасы, смущающие смертный сон обывателя города Сапожка. Сологуб — незабываемый изобразитель сапожковских ужасов". Но гораздо важнее, по мысли Белого, что "...Сологуб доказал, что и, переселяясь в столицы, они (обыватели. — С.Л.) привозят с собой тёмный угол: доказал, что сумма городов Российской империи равняется сумме Сапожков. В этом смысле и пространства великой страны нашей суть крупнейший Сапожок" (1, с.382-383). Город в художественной картине мира Сологуба становится не просто топографической реальностью, а психологическим пространством, обрисованным устойчивыми деталями и влияющим на внутреннее состояние действующих лиц. Отсутствие красивых пейзажей в романе подчёркивает антиэстетичность бытовой обстановки и бездуховность жителей города. Так как город в "Мелком бесе" ничему не противопоставлен, надежды на спасение, на бегство из Сапожка не остаётся. Это превращает утопающий в грязи и заросший лопухами, беленой и чертополохом Город в символ беспросветной и отсталой России, сонного царства без прошлого, с абсурдным и страшным

настоящим и безо всякой надежды на будущее: "Грязные улицы, пасмурное небо, жалкие домишки, оборванные, вялые дети, — ото всего веяло тоской, одичалостью, неизбывной печалью" (4, с.187). Пустота и бессмыслица провинциальной жизни парализует её самоё. Обречённый, застывший, бредовый мир — так представлялся писателю смысл существования российского захолустья. Авторское негодование, горькое презрение к подобному положению вещей звучит в словах повествователя: "Тоскою веяло затишье, и казалось, что ни к чему возникли эти жалкие здания, безнадежно обветшалые, робко намекающие на томящуюся в их стенах нищую и скучную жизнь" (4, с.98). На упреки критиков-современников, что в романе изображена слишком безрадостная картина, Сологуб отвечал: "В "Мелком бесе" я осудил жизнь, — такую, какую она слагается для многих" (3, с.155).

Из повествования изгоняется не только пространственная, но и временная конкретность. Течение времени в романе не ощущается, что обусловлено авторской идеей "вечного возвращения". Связь художественного времени с историческим в некоторых моментах опосредованно выражается в диалогах Передонова с городскими представителями власти, но второстепенность исторической конкретики очевидна. Автора в большей степени интересуют универсальные категории бытия, что и подчёркнуто абстрактностью хронотопа. Художественное время неопределённо: цветение трав и цветов в вершинском саду указывает на лето, жёлтые сухие листья и тёплый воздух — на раннюю осень, а карканье ворон — на приближение зимы.

Жизненное пространство двух пар героев произведения ограничивается, за несколькими исключениями, узкими рамками комнат. Духота передоновского жилища обусловлена его боязнью сквозняков, что ассоциативно сближает его с чеховским Беликовым, а рутимовский дом скорее напоминает будуар молодой кокетки, хотя на самом деле оказывается обычной избой. Людмила и Саша редко покидают пределы

жарко-чувственої атмосфери рутилового дома. Даже їх рідкі свідання на лоні природи руйнують пастушеско-идилічний наліт їх відносин: зустрічі відбуваються в темному і сиром оврагу, а не на лушайці або в полі, або ж ніччю на грязній і глухій улиці.

Таким чином, на наш погляд, просторовий і часовий невизначеність, з однієї сторони, відображає мертвість "неподлинної" передонової життя, а з іншої, — стан "безвременья" розглядається як особливість не тільки національної, але і загальнолюдської історії. Крім того, в акцентуванні символічного плану реалістическої просторово-часової панорами, в вигаданій або безмякнній топографії проявляється одна з тенденцій літератури ХХ віка. Хронотоп "Мелкого беса" викликає асоціації з творами М.А.Булгакова (Город в "Білій охороні"), У.Фолкнера (Йокнапатофський цикл) і інших письменників.

Література

1. Білий А. Ф.Сологуб // Білий А. Символізм як світопізнання. — М.: Республіка, 1994. — С.382-392.
2. Блок А. Письма о поэзии ("Пламенный круг") // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. — Т.5. — М.-Л.: ГИХЛ, 1962. — С.284-289.
3. Симачева И.Ю. Сатирическая традиция Н.В.Гоголя в прозе символистов (А.Белый, Ф.Сологуб): Дис... канд. филолог. наук: 10.01.01. — М., 1989. — 225 с.
4. Сологуб Ф. Голодный блеск: Избр. проза. — К.: Днепр, 1991. — 509 с.

Анотація

У статті проаналізовані особливості хронотопу вершинного роману Ф.Сологуба "Мелкий бес" (1907). Автор роботи розглядає специфіку просторової та часової організації твору, яка сприяє більш повному та виразному розкриттю основної авторської ідеї — викриттю абсурдності міщанського життя.